

В истории любой республики читатель обнаружит проявления неблагодарности к ее гражданам; но в Риме таких случаев будет меньше, чем в Афинах, да и во всякой другой республике. Причина этого, если взять Афины и Рим, заключается, по-моему, в том, что у римлян было гораздо меньше оснований относиться к своим согражданам подозрением, чем у афинян. Начиная с изгнания царей и вплоть до Мария и Суллы ни один из римлян не отнимал свободу у своих сограждан;

так что не было повода для подозрений, а следовательно, и для несправедливых упреков. В Афинах же все было иначе; после того как Писистрат под благовидным предлогом отнял у них свободу в момент самого расцвета, граждане надолго запомнили горечь рабства и обиды, и, вернув себе свободу, ревностно следили за тем, чтобы наказывались не только проступки, но даже намеки на них. Это привело к изгнанию и смерти многих выдающихся людей, а также к употреблению ostracism и прочих суровых кар, в разные годы введенных в республике против оптиматов. Так что истинную правду говорят писатели о гражданской жизни: не те народы уязвляют больше, которые сумели сохранить свою свободу, а те, что только восстановили ее.

Кто примет все это во внимание, тот не станет порицать Афины и восхвалять Рим; виной всему необходимость, вытекающая из разнообразия жизни городов. И если глубже вникнуть в этот вопрос, можно увидеть, что когда бы Риму не приходилось расставаться со своей вольностью, как Афинам, то его граждане подвергались бы не менее ожесточенным нападениям, чем афиняне. Об этом можно судить по тем гонениям, которым подверглись после изгнания царей Коллатин и Публий Валерий; первый из них участвовал в освобождении Рима, но, несмотря на это, был изгнан только за то, что звался Тарквинием; второй вызвал подозрение тем, что построил себе дом на Целиевом холме, и тоже чуть не был сослан. Таким образом, можно считать, что римляне, которые выказали столько суровости и подозрительности в отношении этих двух лиц, были бы не более благодарны согражданам, если бы те, как в Афинах, покушались на свободу города еще до его возвышения.

Чтобы не возвращаться больше к этому предмету, я выскажу все, что касается неблагодарности, в следующей главе.